

Дарья Плещеева,
Дмитрий Федотов

*Однажды
в Париже*

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос-Рус)6

Федотов, Д., Плещеева, Д.

Однажды в Париже / Д. Федотов, Д. Плещеева. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 318 с.

XVII век. Европа охвачена войной. На французском престоле молодой, неопытный король Людовик XIII. Но его первый министр, Арман дю Плесси де Ришелье, решительно укрепляет авторитет и влияние Франции. Аккурат под Рождество 1632 года в Париже неожиданно появляется некая графиня Карлайл, а французское посольство привозит из далекой Московии в подарок кардиналу кота редкой сибирской породы. Кажется, ничто не предвещает неприятностей, но в одну из февральских ночей лейтенант гвардейской роты Анри де Голль слышит скабрезные куплеты в адрес его высокопреосвященства, а поутру таинственно пропадает новый любимец Ришелье — сибирский кот Портос!..

BIC FA

BISAC FIC000000

© Дмитрий Федотов, текст, 2020

© Дарья Плещеева, текст, 2020

© Т8 RUGRAM, 2020

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020

ISBN 978-5-521-74191-5

Пролог,
в котором графиню Карлайл посещает
таинственный незнакомец

Несколько мгновений не могла понять, что же разбудило ее — то ли порыв теплого ночного ветра, ворвавшийся в спальню и взметнувший полог над ложем, то ли голос во сне. Люси приоткрыла глаза — тонкий шелк действительно слегка колыхался, по чуть-чуть пропуская внутрь свежее дыхание августовской ночи.

Август!.. Господи, сегодня же ровно четыре года, как не стало его — единственного из многочисленных любовников и покровителей, который по-настоящему ранил сердце Люси. Ранил и предал! Неотразимый мерзавец, первый герцог двора его величества Джордж Вильерс Бэкингем... Так вот кто ей приснился, и с того света не дает покоя!..

Сон пропал окончательно. Люси посмотрела через плечо на разметавшегося совершенно по-детски и сладко посапывающего Фердинандо. Мальчишка ведь еще, но какой превосходный любовник! При воспоминании о том, что он с ней проделывал несколько часов назад, у Люси сладко зануло внизу живота. Она совсем уже было решила разбудить юношу, но вдруг передумала.

Мальчик еще не привык к своей роли. Все-таки десять лет разницы в возрасте запросто могут отпугнуть его, особенно если проявить излишнюю любовную активность. «А рисковать я не могу — и так слишком времени и сил потратила, пока приручила этого шотландского жеребца. Как бы не удрал! Нужно все делать не торопясь, тогда денежки его отца, графа Хантингдона, в будущем будут долго и исправно перетекать в мои руки...»

«Кстати, о деньгах, — пришла неприятная мысль. — Будущие доходы — это, конечно, хорошо, но ведь и сейчас жить на что-то надо!»

Люси вздохнула, поняв, что от очередного унижения — слезливого письма законному супругу, графу Карлайлу, не отвертеться.

И лучше покончить с этим прямо сейчас, не откладывая, чтобы не портить себе настроение на весь следующий день.

Она осторожно выскользнула из-под набитого невесомым лебяжьим пухом одеяла, облачилась в роскошный венецианский пеньюар из нежно-зеленого бархата прямо на голое тело и домашние мягкие туфли такого же цвета и направилась в кабинет.

Однако просидела не менее четверти часа, прежде чем взялась наконец за перо. Письмо не складывалось. Следовало подойти к неприятной теме осторожно, деликатно, издали, как полагается образованной светской даме. Но какая, к черту, деликатность, если впопору завопить, как торговка рыбой с рынка Боро:

— Деньги кончились, немедленно пришлите денег!

Жизнь в Лондоне дорогая, и муж, казалось бы, должен это понимать. Но графу Карлайлу, похоже, все равно, на какие средства живет супруга. Сидит себе в охотничьем поместье где-то за Оксфордом, зазвал туда пару старых приятелей и развлекается тем, что разводит спаниелей. И это — бывший посланник его величества короля Карла при французском дворе!

Как же вышло, что у графа Карлайла испортились отношения с нынешним королем? Люси задумалась: она как-то проворонила тот момент, когда еще можно было что-то исправить... Более двадцати лет Джеймс Карлайл был фаворитом покойного короля Иакова Стюарта. Монарх оплачивал его долги, щедро жаловал ему престижные должности при дворе, подыскал богатую невесту, посылал с важными поручениями во Францию и германские княжества. Граф привык жить на широкую ногу. Когда же, овдовев, он женился на Люси Перси Хэй, то и ее к тому же приучил.

И что в итоге? Сперва, после коронации Карла, все шло по-прежнему, граф даже был послан с важным заданием в Лотарингию и Пьемонт — тогда юный король, во всем следуя политике покойного отца, хотел настроить их против кардинала Ришелье. Кто и что наговорил там драгоценному супругу?.. Люси не знала. Помнила только, как, вернувшись, Джеймс посоветовал королю заключить

мир с Испанией и начать военные действия против Франции. И это после позора под Ла-Рошелю! Неудивительно, что к такому «мудрому совету» юный Карл не прислушался, а умные люди при дворе намекнули, что лучше бы достопочтенному лорду не заниматься делами, в которых он ничего не смыслит... Супруг немедленно надулся и удалился к себе в имение, совершенно позабыв, что в Лондоне у него проживает законная супруга — молодая, полная сил женщина, и ей-то в высшем свете как раз все рады!

Деньги нужны, очень нужны деньги!.. Лечь в постель со знатным кавалером — это же огромная прореха в кошельке у дамы! Это — дюжина новых платьев, драгоценности, о которых всему свету известно, что они куплены, а не взяты напрокат. Это — батистовое белье, наконец. При мысли, сколько берут вышивальщицы за самую скромную сорочку, волосы встают дыбом! А еще ведь нужно обновить свой винный погреб, сделать запас шоколада и пряностей. О таких мелочах, как отороченное кружевом постельное белье и ароматические свечи, уже и речи не идет.

Но пока кошелек пуст, а список долгов — длиной в милю. Портным, ювелиру, торговцам, тем же вышивальщицам... И когда еще расходы Люси начнет оплачивать этот пылкий жеребец, что сейчас безмятежно сопит в ее постели? Вдобавок и роман их — тайный, а значит, Фердинандо даже не может открыто делать Люси подарки! В общем, пока суть да дело, надо как-то выкручиваться.

Белый лист ждал разумных слов. И Люси наконец обмакнула перо в чернильницу.

«Сэрэу Джеймсу Хэю, графу Карлайлу, моему супругу...» — вывела она в правом верхнем углу листа и задумалась. Писать изящные записки придворным она умела, а вести переписку с мужем, от которого нужны деньги и только деньги, — нет. А ведь когда-то, чуть ли не двадцать лет назад, она была им очень увлечена. И хранила верность довольно долго, целых четыре года, пока ее не сбил с толку милорд Страффорд, только что похоронивший молодую жену, умершую от лихорадки. А потом появились другие...

Люси вздохнула: в сущности, из всей этой яркой и разноликой плеяды лишь герцог Бэкингем стал для нее настоящей первой любовью. С ним она испытала и восторг, и острую ревность, и... яростную радость при известии о его смерти.

А этот мальчик... Надо будет при случае аккуратно поспрашивать во дворце, почему Генри Гастингс, граф Хантингдон, глава Северного совета Англии, дал сыну имя Фердинандо. Совершенно испанское имя, но на испанца этот шотландский жеребчик не похож ни в каком отношении. Мордашка, конечно, миловидная, но того всевластного обаяния, которое привлекало к милорду Бэкингеми всех — и мужчин, и женщин — нет и в помине. В Джордже пылало некое внутреннее пламя, и на этот призывный, опасный свет все летели, как ночные бабочки. А Фердинандо хорошо сложен, немного полноват, но не обделен мужской силой и страстью; когда-нибудь он станет хорошим мужем и отцом многочисленного семейства, но не более того. Стремления ввысь пока не замечено. Как будто мальчик решил, что немалых папиных денег вполне достаточно для счастливой жизни.

Иная женщина, пожалуй, могла бы в него влюбиться. Но только не Люси!.. Как прикажете любить молодого человека, в котором нет главного — стремления к жизни, полной риска, отваги и побед? Такой вряд ли добьется приличного положения при дворе, больше надеясь на отцовскую протекцию. Спать с таким еще можно, любить же такого — сложно...

И как же угнетает необходимость все проделывать тайно! При французском дворе дамы открыто заводят любовников, а Лондон захлестнула невесть откуда взявшаяся, новомодная высокая нравственность. Король верен королеве, королева верна королю, и на этом основании от всех придворных также требуется супружеская верность. Просто уму непостижимо!..

Но как же все-таки перейти к вопросу о деньгах?

Если бы речь шла о деньгах на хозяйство, Люси послала бы миссис Уильямс продать одно из старых платьев, или кружева, или по-

рядком поднадоевший жемчуг. Но денег требовалось очень много. Мало ей было долгов, так Люси еще заказала свой портрет Энтони ван Дейку¹. Проклятый мазила берет бешеные деньги, а заказывать кому-то другому просто неприлично, весь двор торчмя торчит в его мастерской. Еще бы — любимчик его величества! Не иметь собственного портрета работы ван Дейка теперь просто неприлично — моментально станешь при дворе общим посмешищем. А если вовремя не заплатит мазиле за портрет, тем более засмеют...

Впрочем, деньги на хозяйство все равно постоянно требуются. Так что пусть его светлость граф Карлайл припомнит, *что* из его прежних владений еще не продано и не отдано в заклад!

— Господи, сжался надо мной и пошли мне толику денег! — сказала Люси, бросив взгляд на каминную полку, на которой в одиночестве ожидала своей участи китайская ваза, расписанная драконами и цветами, и переведя взор вправо, на распятие. — Господи, всего-то тысячу... нет, полторы... лучше две тысячи фунтов. И мне бы не пришлось унижаться перед лордом Карлайлом! А потом обо мне позаботится Фердинандо. Я с ним справлюсь, Господи... И ведь мне же еще людей моих кормить надо — прислугу, кучера, лошадей...

Распятие ответило вспыхнувшим на бронзовом колене Спасителя бликом от свечи. И сразу скрипнула дверь.

— Что тебе, Уильямс? — спросила Люси, не оборачиваясь. Пожилая кормилица, верная и надежная, как стены Тауэра, стояла в дверях.

— К вашей милости какой-то господин. Стоит внизу, твердит, что дело важное.

— Что за господин? Мы его знаем?

— Чужой. Шляпа надвинута на самый нос, сам — в черном.

— Он что, не представился?

— Нет, миледи. Сказал, его имя для вас ничего не значит.

¹ Энтони (Антон) ван Дейк (1599–1641) — фламандский живописец и график, мастер придворного портрета и религиозных сюжетов в стиле барокко. С 1632 года — придворный живописец короля Карла I.

— Может, он письмо принес?

— Я спрашивала. Говорит, должен вас видеть.

— Ну так скажи: пускай завтра днем приходит. Сейчас не время для визитов. Во всяком случае, для визитов чужих людей...

Люси невольно улыбнулась: сколько раз старая верная Уильямс именно в такую пору приводила к ней в спальню господ, по уши закутанных в плащи! Вот и этой ночью тоже...

— Твердит, мол, очень нужно вас видеть, его к вам послали, миледи. Дело, говорит, большой важности. Речь о немалых деньгах...

— О деньгах? Любопытно.

Люси была практически раздета — пеньюар не в счет. При мысли, что опять придется влезать в корсаж, затягивать шнуры, она поморщилась. Впрочем, не все ли равно, какой ее увидит чужой господин? Он должен понимать, что дамы, собираясь ложиться в постель, не надевают придворных туалетов.

— Помогите-ка, Уильямс, — сказала Люси и, с помощью кормилицы скинув пеньюар и набросив сорочку, споро надела пышную, отделанную кружевом, нижнюю юбку. Затянув шнурок, Люси велела подать атласную утреннюю накидку прелестного персикового цвета. Завязав шнурки на груди, она чуть развела полы накидки — чтобы была видна ложбинка. Сделала она это неосознанно, машинально, как проделывала много раз.

— Уильямс, разбуди Джона, пусть придет, постоит в углу за дверью. Принимать неведомо кого наедине я не могу. И ты тоже будь рядом.

— Как вам будет угодно, миледи.

Человек, которого привела кормилица, действительно оказался незнакомцем, и в придачу дурно воспитанным. Он еще целую минуту топтался в дверях кабинета — раздумывал, снимать или не снимать в присутствии дамы шляпу! Шляпа, кстати, многое сказала о владельце — простая, черная, с высокой тульей, без пера, с одной только лентой и скромной пряжкой. Шляпа — простолюдина, неуклюжая повадка — простолюдина. Под плащом из бурого сукна,

очевидно, обнаружится куртка-дублет из черного сукна; возможно, даже без самого скромного белого отложного воротничка. Штаны — черные, шерстяные чулки — серые, башмаки — черные. В общем, унылое зрелище.

— Кто вас прислал? — строго спросила Люси, надменно выпрямившись в кресле. — И по какому делу?

— Меня не присылают. Я сам иду туда, куда мне надо, — весьма дерзко и грубо ответил гость. Однако голос его показался Люси немного знакомым — мягкий и даже певучий. Интересно, откуда?.. Впрочем, такой выговор почти у всех шотландцев.

— Неприлично оставаться в присутствии знатной дамы в головном уборе, — не удержалась от замечания Люси.

— А вот тут вы правы, миледи, — усмехнулся гость и снял шляпу. Но не размашистым жестом, как кавалер, что кланяется даме, а просто — как будто вернулся домой и отдает головной убор лакею.

В дрожащем свете тройки свечей Люси увидела смуглое лицо с высоким лбом, небольшим прямым носом, впалыми щеками и выдвинутым вперед подбородком. Довольно длинные темные волосы с проседью почти достигали плеч. На вид мужчине было лет около пятидесяти.

— Боже мой, милорд! — воскликнула Люси, признав посетителя. — В такое время, переодетый...

— Не имел желания вредить вашей репутации, миледи, — развел руками Джон Элфинстоун, лорд Балмерино. — Отошлите слуг, что топчутся за дверью. Нам предстоит важный разговор.

— Благодарю... — только и смогла прошептать в растерянности Люси.

В самом деле, ночной визит *такого* гостя мог обернуться и крупными неприятностями, и... большими предпочтениями.

Для Люси явилось полной неожиданностью, что Элфинстоун в Лондоне. По здравому размышлению, этому смутьяну следовало бы прятаться где-нибудь в горах Шотландии — затаиться там, как мышь в норе, и больше не рисковать жизнью ради каких-то непо-

нятных тонкостей богослужения. Но, разумеется, дело было не только в церковных нововведениях.

Лорд Элфинстоун был прирожденным бунтовщиком — бунтовщиком по праву рождения. Его отец, сэр Джеймс, только чудом умер своей смертью, ибо его собирались не просто казнить, но четвертовать за очень подозрительную переписку с самим папой римским. Сэр Джон встал во главе дворянской оппозиции, когда король Карл взялся переделывать привычную шотландцам пресвитерианскую церковь на англиканский лад.

Есть вещи, которые трогать нельзя. Просто нельзя. И опытные политики знают: король может повышать налоги, король может заводить войны, король может завести целый гарем — его народ поворчит, посмеется, поплачет, но не встанет на дыбы, как бешеный жеребец. А вот вмешаться в привычное богослужение, изменить в нем хотя бы строчку, хотя бы слово, уже опасно! За право молиться Богу по-своему народ будет сражаться всем, что под руку подвернется.

Шотландская церковь немало позаимствовала у кальвинистов. По сути, она с 1581 года и была кальвинистской, затем — пресвитерианской. Но королю Карлу захотелось утвердить в своих владениях единую церковь — англиканскую. Она, даже если отвлечься от его искренней веры, была ему необходима. Англиканское учение освящало и подтверждало абсолютную власть и права епископов и короля.

Карл перепробовал все — от угроз до подкупа. Но шотландские священники упорно сопротивлялись, как могли. Ну, где же! Король гнул свою линию: предлагал сговорчивым высокие церковные должности, а несговорчивых упрямцев изгонял. Противостояние длилось не первый год, и все это уже определенно пахло бунтом...

Аккурат два года назад Джон Элфинстоун подбил шотландское дворянство написать королю петицию. Горцы в очередной раз выразили недовольство церковными нововведениями, усилением власти англиканских епископов в Шотландии и упрекнули короля